

НИНА АБРАМОВА

МЕНЯЯ ГРАНИ

Нина Абрамова

Меняя грани

«Издательские решения»

Абрамова Н.

Меняя грани / Н. Абрамова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859938-5

Книга «Меняя грани» поделена на две части — Светлую и Тёмную стороны. На первых страницах Вы найдёте жизнеутверждающие и добрые произведения. На Тёмной стороне придётся столкнуться с мрачными лабиринтами, где переплетаются тайны подсознания и панический ужас. Повествование выстроено так, что от рассказа к рассказу Ваше настроение меняется, окончательно расплываясь перед тонкой гранью сумасшествия.

ISBN 978-5-44-859938-5

© Абрамова Н.
© Издательские решения

Содержание

Светлая сторона	6
Сонечка	7
Чудеса случаются	8
Транспортный узел №7	13
Тёмная сторона	17
Окно	18
Она всё-таки сказала это	19
Мария	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Меняя грани

Нина Абрамова

© Нина Абрамова, 2018

ISBN 978-5-4485-9938-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлая сторона

Чтобы осознать глубину тьмы, нужно познать степень света.

Сонечка

Особенная снежинка аккуратно легла Соне на ладонь. Вернее, на розовую перчатку, укрывающую маленькую ручку от холода. Девочка поднесла ладонь к глазам и залюбовалась красотой зимней гостии.

Неожиданно рядом оказался Сёма и ударил по руке Сони. Снежинка упала к подругам в сугроб.

– Что ты делала? – спросил Сёма. – Ты её разглядывала?

– Угу!

– И где она?

– Ты сбил её! – в голосе Сони звучала обида за грубость.

Мальчик ухмыльнулся и стал колотить по сугробу руками и ногами. Снег летел во все стороны, перемешиваясь с тем, что падал с неба.

– Ты убьёшь её! – крикнула Соня.

– Ну и пусть! – ответил Сёма.

Из глаз девочки потекли ручейки слёз, отчего мороз стал колоть пухленькие щёчки. Мальчик не обратил внимания на слёзы. Разобравшись с сугробом, он пошёл дальше крушить и ломать.

Соня же успокоилась и подошла к воспитательнице Тамаре Георгиевне, чтобы найти ответ на волнующий вопрос.

– Скажите, а снежинки живые? Им так же больно, как человекам?

– Во-первых, не человекам, а людям. А во-вторых, нет, им не больно.

– Точно?

– Абсолютно.

Тамара Георгиевна была довольно пожилой женщиной, уставшей от жизни. Она не любила разговаривать и лишь монотонно выполняла свою работу. Каждый день по много раз любопытные мальчики и девочки задавали ей вопросы, и ответы воспитательницы при этом всегда отличались лаконичностью. Соня же интересовалась о чём-либо редко и обычно довольствовалась короткими фразами-ответами. За это Тамара Георгиевна по-особому любила её.

Соня обрадовалась тому, что услышала.

Когда прогулка закончилась, группа сытно поела, и начался тихий час, девочка лежала в своей кровати и размышляла. Снежинки казались ей похожими на искры во время сварки. Кто-то, кто живет высоко, делает что-то подобное сварке, и поэтому летят снежинки-искры. Скорее всего, это эльфы трудятся над новогодними подарками. Ведь не зря снег идёт именно зимой – в эту пору крошечные создания принимаются за работу.

Мысль понравилась Соне. Она доказывала и существование Деда Мороза, и то, что снежинкам правда не больно. Подумав об этом ещё раз, девочка улыбнулась, уткнулась в одеяльце и сладко уснула.

Чудеса случаются

Что делать, если на носу Новый год, а праздничное настроение так и не посетило? Максим задался этим вопросом как раз вовремя – до излюбленного народом события осталось меньше двух дней.

Сейчас Максим лежал на диване, проснувшись минут пять назад. О новогоднем духе навеял мысль сон. В нём парень подмигивал Снегурочке и раздавал детям конфеты. Дедом Морозом он не был никогда (хотя друзья предлагали подобным образом заработать), но посыл, исходящий от жителей сна, явно был обращен к нему, как к сказочному персонажу.

Сон вызвал улыбку. Максим давно перестал верить в волшебство и новогоднее чудо. Он смотрел на себя со стороны и видел унылого взрослого, который верил исключительно банкам, надеясь, что кредитный процент действительно настолько мал, насколько те обещают. Всё, что осталось в мире Максима, когда он переступил рубеж тридцатилетия – надежда, что когда-нибудь он осуществит свою мечту и станет-таки богатым, известным и счастливым. Банальная история современных взрослых, у которой всегда одинаковая концовка.

Парень наконец-то заставил себя встать и направился в ванную комнату. Опорожнив мочевой пузырь, почистив зубы и умывшись, он побрел на кухню готовить кофе. Чайник протяжно взвыл, словно волк, и отключился. Максим в это время стоял около стола и смотрел в окно. Так как время было раннее, полноценный рассвет ещё не наступил. В серой темноте горели разноцветные гирлянды, которыми люди оформили окна. «Надо бы дом, что ли, украсить, – задумался парень. – Вечером. Обязательно». Так он говорил себе каждый день, начиная с пятнадцатого декабря.

До работы оставалось два часа. Это значило, что есть около двадцати минут на собственные нужды. Например, выпить кофе или... взгляд упал на один из шкафчиков. Максим называл его «полкой воспоминаний». Здесь вместо посуды лежали различные открытки и письма.

– Почему бы не полистать прошлое? – задал он вслух вопрос.

Засыпал пакетик кофе в кружку, залил его кипятком, размешал и поставил на стол. Сам достал «богатства» из шкафчика и положил эту стопку бумаг рядом с кофе. Сел за стол, отхлебнул адски горячий напиток и стал смотреть «ностальгическую документацию». В ней оказалась масса интересного, начиная с валентинок одноклассницы Даши за пятый класс и заканчивая дипломом лучшего сотрудника месяца в Макдональдсе, который Максим удостоился получить в двадцать пять лет.

Выпив почти весь кофе, он поднял кипу, чтобы положить её на место, но из вороха бумаг выпала небольшая открытка. Почему-то Макс не помнил о ней, да и не видел, хотя только что пролистал каждый лист. Он положил «воспоминания» обратно в шкафчик и поднял открытку.

На ней красовался по-детски неумело нарисованный заяц и украшенная ёлка. Заяц стоял около дерева и улыбался. Сверху корявыми буквами было написано «С Новым годом!». Сзади тем же почерком значилось послание:

«Дорогой Дед Мороз! Я не хочу подарков. Всё нужное мне подарят родители. От тебя я прошу только одного. Сделай так чтобы я всегда аставался ребёнком. Я хочу даже в тридцать лет если до такого возраста живут играть в пистолетики и скатываться на санках с горки. А ещё я хочу улыбаться и любить маму с папой. И чтоб ты всегда смотрел в окно как я читаю стихи на Новый год и гордился мной. Твой Максимка».

Максим искренне улыбнулся. Ну, хоть что-то сбылось. Кто, как не пьяный Макс, с мазохистским удовольствием читает друзьям каждый Новый год свои матерные стихи? Об этом таланте уже известно всем, кто его знает. С родителями же он успел поссориться еще двенадцать лет назад, когда не захотел учиться в университете, и отец «официально» отрёкся от него.

Папа был строгих правил и всегда действовал так, как положено. А ребёнок, который писал это письмо, был бессовестно убит в четырнадцать лет, когда семнадцатилетняя девочка со школы лишила его целомудрия. Тогда детство кануло в Лету, а на смену ему пришли гулянки, секс и рок-н-ролл.

Однако что-то колыхнулось в душе Максима. Будто в ней проснулся прежний Максимка. Парень почувствовал, как мальчик потягивается и зевает, а затем выпрыгивает из тьмы подсознания, которым укрывался, будто одеялом. Вот он – улыбчивый и весёлый восклицает: «Так у тебя даже дом не наряжен! Давай новогодничать – пора уже».

Сначала Максим не поверил сам себе. Но он точно услышал эту фразу. И мысль была его, но словно не его.

– Бери ручку и листик, – сказал он (или не он?) вслух.

Всё, что оставалось – подчиниться голосу.

На листе корявым детским почерком стал выводиться список:

1. Афармление дома и ёлочка.

2. Фильмы про Новый год.

3. Подарки.

4. Радость.

5. Скатится на санках с горки.

– Это нужно сделать до Нового года, – сказал вслух Максим. Или кто-то, живущий в его голове. – На работу не пойду. Нужно позвонить Борису Львовичу. Сказать, что заболел. Начну прямо сегодня исполнять список.

В недоумении почесав затылок, Максим позвонил начальнику и взял «отпуск» на два дня. К его удивлению, Борис Львович согласился без проблем. Это было невероятно странно, ведь начальник никогда не отличался добрым нравом.

Затем Максим оделся, обулся и отправился в ближайший магазин. Купил различных украшений для дома и даже пряников в виде домиков и человечков. Всё это время он не мог понять, что с ним происходит. Но делал так, как сам себе велел, ибо боялся представить даже, что лишился рассудка. Лучше делать вид, что всё решает он. Иначе маленький мир, созданный взрослым разумным человеком, рухнет.

Придя домой, он стал судорожно раскидывать дождик по углам комнаты, вешать на люстру, наклеивать снежинки на окна. Странно, но спустя двадцать минут он стал вникать в процесс, украшать квартиру с неподдельным удовольствием. Таких эмоций он не ощущал уже лет надцать.

Когда украшений не осталось, он встал посреди квартиры и взглянул на своё дело. Получилось красиво, даже с излишком. Например, окно было почти полностью заклеено разными фигурками. Место здесь нашли даже олени, везущие Деда Мороза с подарками. Максим улыбнулся мысли о том, что он снова ведёт себя как ребёнок.

Заурчал живот. Видно, понял, что пища в него не попадала со вчерашнего вечера. Максим пошёл на кухню и поставил, было, сковороду на огонь, чтобы сделать омлет с крабовыми палочками, как вслух твёрдо произнёс:

– Я буду пряники с молоком.

Достал из пакета купленные пряники, молоко из холодильника. Он не завтракал так лет с десяти. Его сначала смутила подобная мысль, но, ощутив сладость пряника и ностальгический вкус молока, он смирился.

Наевшись, Максим снова взглянул на список. Фильмы. Что же – почему бы и нет? Он включил компьютер, нашёл «Один дома», разделся и уместился на кровати. Даже сделал себе что-то наподобие башни из подушек. А потом добавил пару подушек по бокам, чтобы получилась крепость. Он, конечно, долго не мог понять, с чего вдруг взрослый мужчина построил

крепость из подушек. Но с самого утра его преследовали удивительные идеи, поэтому решил свыкнуться и с этой.

После просмотра обеих частей фильма «Один дома», Максим заметил, насколько поднялся его новогодний дух. Ещё немного – и он сам возьмёт наряд Деда Мороза, воплотившись в сказочного персонажа.

– Я пойду за подарками.

Эти мысли вслух начали пугать. Они звучали, словно из недр души. Но он снова сделал так, как говорил. Так было нужно. Иначе придётся отмечать праздник в психбольнице.

В магазине было полно покупателей. Люди копошились, словно муравьи в погоне за крошками, упавшими изо рта людей на пикнике. Было тяжело пробраться в отдел сувенирной продукции. Но отступать нельзя. Максимум даже помогли. По громкоговорителю передали, что в каком-то отделе продают горошек за восемь гривен и ананасы по двадцать пять гривен. Почти весь поток людей с тележками бросился туда.

Стоя около сувениров, Максим размышлял. Кому он должен купить подарки? Завтра вечером у него дома соберутся семеро человек. Олег с женой Ритой, Кирилл, Руслан, Саша с девушкой Полиной и Вадим. Это была та самая компания друзей, которые могли не видаться и даже не созваниваться все одиннадцать месяцев, но где-то в конце декабря они договаривались вместе отметить Новый год. Что-то вроде традиции. Значит, первоначально подарки нужны им.

Семейной паре подойдёт сервиз с кремовыми кофейными чашками, на которых написано «Наслаждайся временем, когда пьешь кофе». Вадим будет в восторге от миниатюрной удочки – он обожает рыбалку. Эта удочка, стоящая на пьедестале, украсит его холостяцкую халабуду. Руслану – боксерские перчатки. У него дома висела боксёрская груша, а перчатки он так и не приобрёл, приходилось заматывать руки бинтами. Кирилл с чувством юмора, ему нужно что-то прикольное. Саше – несколько номеров «Игромании», а Полине будет достаточно мягкой игрушки. Максим остался доволен покупками.

– Нужно украсить подарки, – собственный голос начал приводить в ужас.

Пришлось идти оформлять купленное. Наблюдая за тем, как милостивая девчушка быстро отправляет вещи в коробки, укутывает упаковочной бумагой, оформляет лентами и бантами, Максим подумал, что сейчас напоминает себе не ребёнка, а бабу. И эта мысль была страшнее всех за день. День. Максим взглянул на часы – уже 14.00. Скоро стемнеет. Кошмар, как быстро пролетело время.

– А родители?

– Простите? – девушка, упаковывающая подарки, подняла глаза на парня.

Максим улыбнулся и промолчал. Он снова говорил вслух. Причём, вспомнил про родителей. Странно. Он уже минимум лет пять им даже не звонил. Отец запретил матери общаться с непутевым сыном. Но собственный голос всё ещё звучал убедительно.

Забрав подарки, Максим приобрёл маме серебряные серёжки, о которых она мечтала десять лет назад. Не то, чтобы они стоили дорого. Просто мама обычно ничего не покупала себе. Нашёл папе стеклянные раритетные шахматы.

– Пусть дома лежит, – сказал он вслух. – Только упакуй.

Упаковав и эти подарки, Максим собрался идти домой, как вдруг опять произнёс:

– Я куплю конфет. И пакеты праздничные. Расфасую конфеты по пакетам и раздам детям на улице. Жаль, что не могу сделать это для приюта.

– Потому что денег уже нет почти, – пробурчал Макс. – Все новогодние сбережения практически потратил. Только на завтра немного осталось.

– Оно того стоит, – тембр его голоса словно немного изменялся. – Я пойду домой, оставляю там подарки и вернусь на улицу с конфетами. И буду поздравлять прохожих от всей души.

– А не совсем ли это странно?

– Люди просто отвыкли от доброты. Поэтому кажется странным.

Бабушка, проходившая мимо Макса, перекрестилась. Парень, разговаривающий сам с собой, показался ей сыном дьявола.

Максим всё сделал так, как собирался. После того, как он оставил подарки дома и успел поесть (на этот раз нормально), он стоял посреди улицы с мешком конфет. Дед Мороз в современном виде – именно таким выглядел он на данный момент. Он понятия не имел, что и почему происходит, этот день казался ему сном. Но он упорно продолжал выполнять безумные идеи.

Мамы отводили детей в сторону, подальше от сумасшедшего. С горем пополам, он выполнил свою миссию. Замёрз и поплёлся домой с пустыми руками, печальный и счастливый одновременно. Всё-таки это был интересный опыт. Оказалось, дарить так же приятно, как получать.

– Ёлочка, – услышал он свой голос.

Не дойдя до дома, свернул в переулок, где продавали ёлки. Выбрал среднюю, пушистую, пошёл с ней домой.

Горячий чёрный кофе, новогодние мелодии, а также ёлочные украшения, которые Максим усердно вешал на ёлку, заставили его почти светиться от восторга. Теперь парень был вовсе не похож на утреннего угрюмого дядьку. С детским любопытством он разглядывал каждую игрушку. Поставил подарки под ёлку. Даже сфотографировал, проникшись атмосферой.

Стало довольно поздно. Максим решил переодеться в домашнее, но собственный голос скомандовал вновь:

– Я поеду домой. К родителям, которых люблю.

Эта идея казалась самой безумной. Парень даже поколебался, однако почему-то повиновался. Утренний Максим никогда бы не поехал в ночь к родителям, по которым втайне скучал, но не мог переступить через гордость. «Новогодний» Максим собрался за пять минут, взял подарки, и, даже не поужинав, поехал в родные края.

От родительского дома тянуло ностальгией и беззаботным счастьем. Пахло мамиными новогодними пряниками. С окон на первом этаже пятиэтажки, где Максим провёл детство, лился разноцветный свет от гирлянд. Парень стоял около подъезда и не понимал, что делать. Входить было страшно.

Он решил посмотреть на двор, где гулял много лет. Осмотрел его, поедая глазами каждый участок. Детская площадка, небольшой холм и гаражи, усыпанные мерцающим под фонарями снегом. Новогодняя сказка, не иначе.

– Последний пункт списка.

Ничего не нужно было думать. Просто делать. Максим добрёл до холма, поставил подарки на землю и забрался наверх. В детстве холмик казался необычайно высоким, сейчас же – очень маленьким. Но скатиться всё-таки получилось. Прямо на пятой точке, чувствуя, как по джинсам растекается мокрое пятно. Макс скатился с холма ещё раз, затем ещё. Улыбнулся. Спустя пять минут понял, что смеётся. Со стороны он выглядел умалишённым. Зато счастливым.

– Пора домой.

Поднял подарки и направился к подъезду. Было страшно, но голос внутри головы настраивал на лучшее.

Дверь открыл отец. Он долго смотрел на сына, не проронив ни звука и насупив брови. Макс нервно затараторил:

– Я ненадолго заехал. Завтра должен быть дома. Если ты меняпустишь. Если нет – я поеду. Я... я... я...

Внезапно отец улыбнулся и произнёс:

– Привет. Прости, сынок. За всё. Заходи давай, мы тебя ждали!

Не помня себя от радости, Максим переступил порог родного дома, передал подарки отцу и стал раздеваться. В коридор вошла мама.

– Сыночек, родненький! А чудеса-то случаются! Мы в том году тебя у Деда Мороза попросили!

Транспортный узел №7

– Эй, парень! – Блэк стоял практически около Грина, но, по привычке, кричал. – Сходи на седьмой узел, глянь, что там стряслось. Начальство говорит, что дыра возникла.

– Я ещё не работал с дырами, – запротестовал Грин.

Блэк ухмыльнулся, сплюнул, произнес: «Эх, молодой ты», развернулся и пошёл к себе на пост. Задание нужно было выполнить немедленно и беспрекословно.

Грин действительно был молодым – самым младшим из всей команды Узлоспасателей. Он только закончил колледж, и дыры в узлах видел лишь на картинках учебников. По теоретической части он оказался профи, а вот насчёт практической... Тут даже он сам в себе сомневался. Впрочем, если начальство выбрало его, значит, он готов.

Грин схватил первый попавшийся рабочий минилёт, встал на него, ухватился руками за рычаги управления и полетел в туннель №3, в котором находились узлы 6,7 и 8.

Около седьмого узла зияла дыра с него ростом. Она была похожа на прозрачное облако, а изнутри светилась тусклым сиянием, немного освещающим темноту туннеля.

Грин приблизился и заглянул в неё. Он увидел странно одетых людей, которые находились в каком-то транспорте. Заметил поручни и сиденья.

Поборов дрожь в руках (дыра! настоящая дыра!), он достал из комбинезона специальный аппарат для устранения подобных проблем, напоминающий клеевой пистолет. Направил на дыру, но внезапно услышал странный шум, похожий на музыку их мира.

От неожиданности (в других мирах не бывает совпадений с нашим – так учили учебники), Грин выронил аппарат. Последний упал в нескольких сантиметрах от дыры. Грину пришлось слезть с минилёта и потянуться за устройством.

Он почувствовал лёгкую боль, словно получил укол в руку, затем такая же боль пронзила плечо. Испугавшись, Грин ухватился за плечо другой рукой. И тут же ощутил очередной псевдо укол. Через секунду невидимые шприцы кололи голову, спину, живот и ноги. Когда боль заполонила всё тело, она стала сильнее, и Грин потерял сознание.

– Эй, парень! – фраза, присущая Блэку. Но голос совсем не его.

Грин открыл глаза, и увидел около себя бородатого мужчину неопрятного вида.

– Подай на пропитание, – произнёс мужчина.

Грин оглянулся. Он находился в транспорте, который видел внутри дыры. Те же поручни и сиденья. Он сидел недалеко от дверей, люди заходили непрерывным потоком, который вскоре прервался, двери закрылись, и транспорт полетел (или поехал?).

– Чудной какой-то, – произнёс мужчина и пошёл дальше, протискиваясь между людьми.

Грин сразу обратил внимание на их одежду. В ней преобладали тёмные и тусклые тона, в то время как в его мире носили только одежду ярких цветов. Глядя на серый поток людей, Грин невольно ужаснулся тому, как грустно им живётся. На нём же сейчас был надет оранжевый комбинезон, под которым виднелась светло-голубая рубашка – рабочая спецодежда.

Внезапно Грина оглушил ужасный шум. Он перестал слышать разговоры людей (их речь практически не отличается от нашей!). В голове гудело. Но толпа не обращала внимания на кошмарный звук. «Должно быть, так летит транспорт» – догадался Грин.

В окнах он увидел чёрную пустоту. Будто транспорт смотрит на него своими ужасными пустыми глазами. Людям и это казалось нормальным. Какой-то чокнутый мир.

Сквозь шум Грин услышал ругательства. Он постарался разглядеть что-нибудь через небольшой просвет между толпой, и увидел бородатого мужчину, разбудившего его. Возле мужчины стоял другой субъект, который выглядел лучше, был выше и сильнее на вид. Он громко кричал на бородача, оскорбляя его последними словами.

С другой стороны заиграла музыка – звук из мира Грина. Он напряг зрение, стараясь увидеть хоть что-нибудь за толпой, но не смог. Проиграв ещё немного, музыка замолкла.

Шум прекратился, когда транспорт остановился. Двери открылись, серый поток снова возобновил движение. Грин встал и направился к двери (я будто плыву по реке).

Вышел и не смог поверить глазам. Он находился на своей рабочей станции. Вернее, это место было невероятно похожим на неё, но втрое масштабнее. Стены расписаны странными узорами и рисунками. Из потолка торчали непонятные источники света. В его мире пользовались солнечными камнями, по форме напоминающими слегка изогнутые палки с красивыми цветными колпачками на концах.

Вокруг копошились люди, явно спешившие по делам. В мире Грина никто и никогда не спешил. Даже срочные дела выполнялись тут же, однако без спешки. Медлительность, но слаженная и приятная, доставляла истинцам удовольствие.

«Так где же я? – начал думать Грин. – Это место называется... З.. Зе.. Зетрус? Нет. Зем.. Земед? По-моему, нет. Ну же, отличник! Земля! Точно! Этот мир называется Земля, а люди тут – земляне».

Теперь Грин знал, где находится. И сможет доложить о происшествии напарникам – Рэду или Грэю. Они обязательно вытащат его отсюда. Нужно только взять себя в руки.

Он сделал несколько глубоких вдохов, унял путаницу в голове, и решил действовать. Пора было возвращаться домой, к родным и любимой Блу.

Нашупал в комбинезоне рабочую рацию. Она функционировала на расстоянии до десяти миров. Грин был уверен, что находится рядом, поэтому, не беспокоясь, достал её. Присел на скамейку там, где находилось меньше всего людей (они так странно на меня смотрят) и посмотрел на экран аппарата.

«Нет мира». Грин находился дальше, чем через десять миров от своего дома. Это означало, что он не сможет связаться со своими, а, значит, не попадёт в объятия Блу и не увидит больше семью...

«Так, не паникуй, – подумал Грин, – нужно только найти мир». Он встал и побежал к ступенькам, в надежде отыскать выход. Однако одни ступеньки вели к другому туннелю, а другие – к третьим ступенькам. Казалось, выбраться отсюда невозможно.

Когда Грин уже отчаялся, то услышал знакомые шорохи. Он стоял наверху ступеней и смотрел на транспорт, который, как оказалось, ездил, а не летал (тут всё устарело). Шорохи доносились из рации.

Грин достал её и взглянул на экран. «Мир №7. Земля». Радости парня не было предела. Но он боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть сигнал.

– Один, Грин, один, – позвал из рации голос Рэда.

– Два, Рэд, два, – ответил Грин, пытаясь успокоить выступившие на глазах слёзы.

– Грин, ты на Земле?

– Да, Рэд. Когда заберёте меня?

– Грин, один. Прости.

– Рэд, два, повтори.

Голос в рации стал каким-то тонким и необычным. Он проговорил по буквам:

– П Р О С Т И, Г Р И Н.

– Два, Рэд, два.

– Отбой, Грин.

Экран показал другую запись «Не работает». Рацию отключили.

Документ №190904

«Инцидент с узлом №7 исчерпан. Дыру починили рабочие Рэд Томсон и Грэй Стивенсон.

Документы объекта, попавшего в дыру по своей неосторожности, забраны из архива. Родным объекта (Грина Стоуна), было сказано, что он погиб при выполнении своих обязанностей. Его рация отключена.

Это единственный документ, осведомляющий про инцидент. Оригинал, копий не существует. Показывать его разрешается только людям, состоящим в начальственной ветке истинцев.

Р. С. Путаница транспортного узла, из-за которой образовалась дыра, произошла по вине другого объекта (Вайта Разовски). Подробнее – см. Документ №190903».

Отдел «Узлоспасатели»

Секретный архив начальственной ветки истинцев

Грин смотрел на потухший экран радиации и не мог прийти в себя.

Из ступора его вывели знакомые звуки, напоминающие музыку его мира. Они прозвучали всего раз, но крайне отчетливо и совсем рядом. Грин обернулся, и в шагах десяти от себя увидел девушку с гитарой (у них тоже есть гитары?). Девушка шла вперёд, в сторону других ступенек, поэтому Грин не видел её лица. Он немедленно последовал за ней, бросив радиацию в карман комбинезона.

Девушка с гитарой вывела Грина на улицу. Он был удивлен наличием всего одного солнца (наш мир освещён тремя светилами). Ночь в его мире случалась раз в месяц, поэтому работа велась под землёй и в темноте, чтобы глаза отдыхали.

Грин оказался на оживлённой улице. Девушка с гитарой растворилась в очередном живом потоке. Однако Грин не упускал её из виду, и уже через три минуты почти догнал. Она остановилась около большого здания с синими стёклами (у нас подобные уже сотни лет не строят).

Грин подошел к ней и обомлел. Перед ним стояла его Блу, только другая. Теперь, когда девушка находилась всего в метре от него и приветливо улыбалась, он четко различал её черты. Это была Блу! Но вместо шатенки она стала брюнеткой, глаза её вместо невозможно голубых стали искреннее карими. Девушка была одета в странные голубые штаны и чёрную футболку, а Блу предпочитала розовые, лимонные и салатные платья.

– Я Вас слушаю, – произнесла девушка. Голос не принадлежал Блу. Но он был красив, и вызвал у Грина прилив приятных чувств.

Он ничего не смог ответить. Повернулся к девушке спиной и бросился бежать. «Я останусь в этом мире. Я останусь здесь. Я никогда больше не увижу Блу. Я никогда не увижу отца, маму, братьев и тётю. Я чужак в этом мире и нежеланный гость в своём».

Грин бежал, пробиваясь сквозь толпы землян, пока перед ним не возник мост. Внизу небольшими волнами билась о берег река. Невдалеке по воде безмятежно плыли несколько уток. Здесь стояла тишина, людей почти не было. Отдаленно слышался шум городской жизни и автомобилей. Задумавшись только на минуту, Грин бросился в воду.

Мягкое течение несло Грина к берегу. Он открыл глаза, зажмурился от солнца. Затем почувствовал, что ни одна клеточка его тела не пострадала. Он лежал на спине, поэтому мог ощущать тепло солнечных лучей и видеть голубое небо, а также несколько белых облаков в виде лебедей. Совсем как дома.

И тут прилетела мысль. Лучшая мысль в его жизни.

Я буду жить.

Это была первая и последняя попытка самоубийства в моей жизни. Отныне я найду дорогу домой, чего бы мне это не стоило. Я обещаю себе. И, как говорит отец, если ты оказался в комнате, выход из неё должен быть. Ведь ты как-то в ней оказался.

Грин улыбнулся. Он знал, что обязательно найдет дверь, ведущую домой.

Тёмная сторона

*Сотри границы ластиком безумия,
Обрежь все нити серых будних дней.
Твори себя. Теряй себя. Терзай себя.
И если есть желание – убей.*

Окно

Я помню, как она двигалась. Плавно, грациозно и уверенно. Она знала, что я рассматриваю её сквозь невидимые границы, ведь оба наших окна утрачивали шторы по вечерам.

Ей нравилось выключать свет и обнажаться, ходить по комнате, оставляя за собой шлейф отчаянного желания. Её силуэт был невероятно красив: тонкая, словно осиная, талия, прекрасные бёдра, элегантные плечи и руки. Волосы на небольшой головке она укладывала в пучок, оголяя лебединую шею. Совсем юная, словно подростковая, грудь слегка проглядывалась под темнотой страсти. Длинные роскошные ноги она передвигала аккуратно и неспешно, позволяя насладиться каждым её шагом. Я сходил с ума. Я ожидал вечера, который был для меня спасением от серых будней и унылой работы, от личной жизни, проходившей мимо. Я любил её. А потом в один мрачный вечер её квартира опустела.

Я помню, как симпатичный сосед напротив наблюдал за мной. Представлял, как он ожидал вечера в надежде, что я снова откроюсь ему. И я делал так. Днём работал, а ночью позволял любоваться собою, ведь меня это тоже возбуждало. Жаль, что пришлось улететь в другую страну и оставить столь милого паренька. Впрочем, я и тут быстро найду новых знакомых – благо, достаточно красив.

Она всё-таки сказала это

Марк перевёл взгляд на часы с серебряной окантовкой, которые висели на стене за спиной Мэри. С тех пор как Мэри сказала, что им нужно поговорить, прошёл ровно час. Разговор явно затягивался. За это время они успели обсудить и воспитание детей, и финансы семьи, и даже собственных родителей – всё на повышенных тонах. Однако суть проблемы ещё не была озвучена.

Мэри начала прикусывать нижнюю губу и сжимать пальцы в кулак так, что они моментально белели. Это значило одно – она всё же решила произнести главную мысль. Марк же, давно поняв, с каким вопросом имеет дело, только переводил тему, пусть и в ущерб себе. Сейчас, увидев, что супруга настроилась решительно, он резко отвернулся. Мэри стояла за его спиной, немного обескураженная. Она ожидала от мужа чего угодно, но только не такого ребячества. Марк надеялся, что она поймет этот жест или хотя бы обидится и уйдёт. Тем не менее, Мэри глубоко вздохнула (сейчас или никогда!) и начала произносить заранее приготовленные слова:

– Между нами больше ничего нет. Ты увлечен своей работой настолько, что не видишь меня и детей. Если говорить обо мне, то я устала. Устала засыпать одна, отмечать праздники одна, сама растить детей. У малышей словно нет отца. Ты всегда занят. Ты сидишь в своём кабинете, в этом крошечном мирке, куда нет входа остальным...

Она продолжила говорить, но Марк перестал слушать. Автоматически его взгляд скользнул по комнате: кровать, компьютер, стул, шкаф, столик... Ему вдруг показалось, что их спальня слишком мала. Нужно сделать её больше, освободить от лишних вещей, поклеить новые обои. Это следует обсудить с Мэри. Марк «включил» слух, чтобы задать жене вопрос насчёт спальни. Но уловил её слова:

– ... не слышишь меня! Я всегда пытаюсь говорить. Всегда пытаюсь решить проблему взрослому, словами! А ты? Сколько можно оставаться мальчишкой?! Ты глава семьи, в конце концов! Мне это надоело. Твоя инфантильность... твоё нежелание брать на себя бремя ответственности...

Марк снова прошёлся глазами по комнате. Его взгляд упал на часы, которые стояли возле кровати на тумбочке. Квадратные, с ракушками на циферблате. Белые. Эти часы он подарил Мэри всего год назад. Какой это был праздник? Вроде, День Матери. Мэри тогда так радовалась, не могла налюбоваться ракушками. А он смотрел на её восторженное по-детски лицо и не мог насмотреться...

– ...не изменяешь, – до его сознания вновь донеслись слова Мэри. Она говорила уже не заготовленный заранее текст, а фразы, которые истерически шли из сердца. – Да, с девушками не изменяешь! Но как иначе, если не изменой назвать то, что ты постоянно думаешь не обо мне, а о работе?! Ты даже спишь с работой! Я сама спать ложусь! О сексе я уже не говорю! Эта простая формальность переросла в пытку. Нежности больше нет, нет чувств. Вот уже полгода мы совокупаемся. И то – только тогда, когда нужно тебе. Совокупаемся, Марк, а не занимаемся любовью! Мне больно смотреть, как рушатся наши отношения...

Нужно было дарить ей нежно-розовые часы. Те, которые он сделал до этих белых с ракушками. Мэри была бы ещё довольней. Ах, милая Мэри! Тебе нравится всё женственное и нежное. Ты такая хрупкая, маленькая и прекрасная!

Они познакомились сразу после того, как Марк вернулся из армии. Ему было двадцать лет, ей семнадцать. Такая милая, выглядевшая ещё моложе, ростом ему по плечи, необычайно-красивая девушка сразу овладела его сердцем. Настолько, что спустя только три месяца со дня их знакомства, Марк сделал предложение. И тогда, на Новый год, под бой курантов, она согласилась...

– ...повернись же! Я даже не знаю, слушаешь ли ты меня! Возможно, я в очередной раз говорю сама с собой.

Его слух уловил эти слова, и он повернулся. На лице жены не было злости. Оно выражало глубокую скорбь.

– Пойми – из уголков её глаз покатались слёзы, – я так больше не могу.

Марку захотелось обнять её. Но он не посмел двинуться с места.

Часы, на которые он теперь смотрел (за спиной Мэри), пробили 20:00. Сзади часы с ракушками также зазвенели. В соседней комнате, которая являлась его кабинетом, несколько пар часов в унисон пробили 20:00. Марк слушал эти звуки с благоговением. Вот сейчас, осознав, что уже восемь вечера, Мэри пойдет купать Эмму, и их разговор закончится до того, как супруга произнесёт ужасные слова прощания.

Но она не сдвинулась с места.

– Марк, я не могу, пойми. Не могу так. Ты совсем не разговариваешь со мной. Кристофер спрашивает, будет ли папа ужинать с нами. И мне страшно, Марк. Страшно, что если я отвечу правду, он воспримет это как само собой разумеющееся. Что он вырастет и станет таким, как ты. Для него будет нормой отсутствовать, быть вне своей семьи...

Что-то не так. Марк стал чувствовать это, как только пробили часы. Что-то случилось кошмарное, требующее его вмешательства. Но что? Мэри продолжала что-то говорить, однако Марк был увлечен мыслью о том, что произошло. Сердце его заныло, ноги подкосились.

– Нам нужно расстаться, Марк. Я забираю детей и ухожу.

В тонком сознании Марка всё же появилась истина. Он понял, что было не так. Часы. Одни из часов не пробили. Четверо из пяти прозвенели. Марк мог свободно определить звук каждого из собственных творений. Синие треугольные не пробили. Его любимые. Они сломались.

Не размышляя более ни минуты, Марк обошел Мэри (она загораживала дверь), и кинулся в свой кабинет. Профессиональными движениями он схватил потёртый футляр с инструментами и синие треугольные часы. Выложил необходимые инструменты, открыл заднюю панель на часах. Подковырнул отвёрткой одну из шестеренок. И тут он понял.

Мысль хитро ворвалась в мозг. Она пронеслась быстро, оставляя за собой разрушительный след, словно торнадо. Эта мысль поразила его, и заставила выронить отвёртку.

«Она всё-таки сказала это»...

Мария

В первый раз я увидел её при поступлении в ВУЗ. Не буду ничего говорить о заведении, это не имеет значения. Скажу только, что профессия была связана с инновационными технологиями. Я начал учиться вновь спустя десять лет лишь затем, чтобы повысить свой уровень мастерства на работе и получить ещё одно высшее образование, огромную значимость которого мне доказал один друг.

В тот день я принес справку о составе семьи, которую забыл вложить в пакет документов на поступление. Стоял около приёмной комиссии, так как женщина, сидевшая там, была занята. Она попросила подождать пять минут, и я терпеливо выполнял её просьбу, хотя прошло уже намного больше времени. Задумался ненадолго, но из мыслей меня извлек приятный женский голос:

– Она занята? Давно стоите?

Я посмотрел на обладательницу этого голоса. Ею оказалась молодая девушка с длинными каштановыми волосами, зелёными глазами и восхитительным веером пышных черных ресниц. На остальное я просто не успел обратить внимания. Меня поразили эти глаза... Полные нежности, заботы, веселья и немножечко детства. Они были разумные, взрослые. Но всё же это были глаза девушки, а не женщины. Даже сейчас, описывая её внешность, я богат на метафоры. Не из-за того, что мой словарный запас не совсем скуден. Нет! Она и впрямь достойна самой восхитительной метафоры, которую, увы, я не могу придумать.

– Входите! – крикнула женщина из приёмной, и прекрасная незнакомка спросила, почему я стою.

Мне ничего не оставалось, как улыбнуться ей и зайти в кабинет. Положив справку на стол, я попросил вложить её в пакет документов на мою фамилию. Женщина одобрительно кивнула. Я вышел, пропуская в кабинет незнакомку.

Не знаю почему, но я ждал её. Этого хотело моё подсознание, так как сознание кричало о том, что я могу опоздать на работу и иметь проблемы с Федором Юрьевичем – начальником. Мы с ним хорошо ладили, почти дружили (если можно назвать дружбой периодические посиделки с пивом после работы), но когда дело касалось опозданий, он был непоколебим – даже со мной.

Я прождал её не менее получаса. Сам в прошлый раз потратил столько же времени – миллион бумажек нужно заполнять на поступление.

Когда она вышла, я смог рассмотреть её более детально. Она была невысокой, стройной, с небольшой грудью. Одета в синий сарафан до колен и обута в синие балетки с бантиками. Напоминала, скорее подростка, но что-то выдавало её возраст. Я был уверен, что она давно не подросток. Её красота бросалась в глаза, заставляла любоваться ею. Но в то же время, это была не красота топ-модели. Это была красота обычной девушки.

Она улыбнулась, увидев меня:

– Забыли что-то?

– Да, – не соврал я. – Познакомиться с Вами.

Она улыбнулась ещё шире, и я заметил ямочку на щеке с правой стороны.

– Думаю, зря.

– Почему же?

– Вы, верно, собираетесь переспать со мной. Но всё, на что я могу согласиться – это полчаса посидеть в кафе. Я бы пообщалась, но лишь в дружеской обстановке. Так что Вам незачем тратить время на меня.

– Нет, что Вы! Я торжественно приглашаю Вас в кафе на полчаса. Побеседовать по-дружески. Об университете.

– Тогда я «за».

Мы шли к кафе, о чем-то бессмысленно болтая. Её имя я спросил лишь тогда, когда мы допивали по второй чашке кофе с молоком. Она засмеялась и сказала фразу, которую я до сих пор считаю роковой.

– Моё имя – шелест цветка ромашки.

Эта фраза тогда показалась мне сверхгениальной. Я даже, помню, сказал, что восхищен.

– А твоё? – спросила она (тогда уже мы перешли на «ты»).

– Виктор, – прозвучало совсем банально.

И вдруг она сказала, поднимаясь:

– Ну, я пошла. Меня дома ждут.

Я спросил номер её телефона, на что она ответила, что будет присутствовать на мероприятии первого сентября. И, если я захочу её увидеть, то у меня ещё будет шанс. Я не сказал о том, что не собирался приходить, что работаю в этот день. Был ослеплён ею.

Она ушла. Встала и пошла к выходу, оставляя после себя лишь чуть заметный аромат нежных духов. Я наблюдал, как она уходила из моей жизни, так легко, как вошла в неё. И в эту минуту я пообещал себе, что увижу её снова. Я готов был с работы уволиться, чтобы прийти первого сентября. На календаре было 27 августа. Оставалось ждать встречи совсем немного.

Опоздал на работу на два часа. Федор Юрьевич устроил мне акробатический номер. Я поклялся, что это моё последнее опоздание. Он успокоился. А после работы мы вместе выпили пива, и я рассказал ему, почему опоздал. Фёдор посмотрел на меня, и в его потускневших голубых глазах я прочёл нескрываемую тревогу:

– Она погубит тебя, Витя.

Я засмеялся, посчитав это шуткой. У Фёдора был своеобразный юмор. Но он не засмеялся. Даже не улыбнулся.

– Вить, бабы – они такие. Если ты опоздал на работу из-за той, чьё имя даже не знаешь, то после поцелуя с ней вообще забудешь о своей жизни.

– Чушь! – засмеялся я.

Но Фёдор был в некоем роде прав. Об этом я узнал позже.

Все оставшиеся дни до первого сентября я ходил как зомби. Выполнял работу, пил пиво с друзьями, ел, купался, ходил в туалет, спал – всё на автопилоте. Единственное, чем я правда занимался – это угадыванием её имени. Долго думал, и всё-таки понял его. Очень долго смеялся с этого. Задача оказалась совсем легкой. Решение было на поверхности, а мне понадобилось четыре дня тяжелого умственного труда, чтобы отгадать эту загадку.

Фёдор не хотел отпускать меня с работы. Я доказывал ему, что мне нужно раззнакомиться с учителями. Тем более, что я – заочник. По какой-то тогда непонятной мне причине Фёдор всё отговаривал меня от идеи близкого знакомства с той девушкой. Но я уже всё решил. Поэтому поставил ультиматум: или я беру денек выходной, или «отпуск» насовсем. Фёдору осталось только вздохнуть, похлопать меня по плечу и сказать, что это самый глупый поступок в моей жизни. Тогда я подумал о том, что старик сбрендил. В 68 лет (на пенсию его никто не мог прогнать), Федора часто посещал маразм. Однако он, как я говорил раньше, был прав. Ох, как прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.